

Родительская академия

Д.Д. Смойкин, Е.О. Пятаков,
О.М. Новосадова, Е.И. Николаева

Можно ли помочь лоботрясу взяться за ум?

Из интервью с бывшим лоботрясом

В статье Е.О. Пятаков — в качестве повода для размышления и анализа — приводит часть своего интервью с очень интересным молодым человеком — сыном своего бывшего однокурсника. Основной вопрос, который лег в основу беседы, звучал примерно так: «Что произошло и что заставило тебя резко измениться и перестать быть тем, кого принято называть разгильдяем и лоботрясом?» Ответы молодого человека, его размышления и предложения представляют несомненный интерес для педагогов и психологов-практиков. Как минимум, в качестве демонстрации взгляда на проблему изнутри. Завершают статью комментарии О.М. Новосадовой и Е.И. Николаевой. В них они, каждая со своей позиции, резюмировали и четко обозначили ценную информацию, которую дал молодой человек в ходе интервью.

Скажу сразу, что в моей практике этот юноша оказался по-своему уникальным. И до него мне приходилось работать и с умными разгильдяями, и с «правильными по жизни» ребятами, не позволявшими себе «глупостей», и с рефлексирющими юными интеллигентами, блуждавшими в лабиринтах собственных нечетких идей, и с матерыми циниками, которых «воспитывать бесполезно — они сами кого хочешь перевоспитают».

Но так, чтобы все это, в каком-то смысле, соединилось в одном лице... В общем, мне очень повезло трижды. А именно: я встретился с таким человеком, я встретился вовремя (пока он не забыл себя прежнего — свой образ мыслей, желаний и т. д.), и я получил его согласие покопаться в его прошлом и настоящем как на уровне событий, так и на уровне его мыслей.

Ну а теперь подробно и по порядку: главный герой этой статьи — Смойкин Дмитрий. До недавнего времени — лет до 14 — он был стопроцентным воплощением русской народной поговорки «умная голова, да дураку дана». Отчаянные попытки родителей (отец по образованию педагог-психолог), учителей, репетитора как-то повлиять на него к успеху не приводили. Парень был непослушный и при этом — очень умный, эрудированный, с аналитическим складом ума. В результате весь свой ум пускал на то, чтобы «отбрыкаться» от попыток наставить его «на истинный путь». Казалось, повлиять на него невозможно. Над ним уже объективно «сгустились тучи» которых он упорно не замечал. И вдруг... **парень изменился...** Сам. Перестал валять дурака, наладил отношения с близкими, взялся всерьез за учебу. Что «щелкнуло» в его голове? Почему? Можно ли извлечь из опыта Дмитрия что-то полезное для педагогов, психологов, родителей? Ради ответов на эти вопросы я и предложил молодому человеку (уже 16-летнему)

Смойкин Дмитрий Дмитриевич — учащийся Московского полиграфического колледжа.

Пятаков Евгений Олегович — в недавнем прошлом — педагог-психолог с опытом работы в различных детских учреждениях. В настоящее время редактор научно-методических журналов «Школьные технологии» и «Вестник практической психологии образования». Постоянный автор журналов «Школьный психолог», «Народное образование», «Социальная педагогика» и др.

Новосадова Ольга Михайловна — директор по персоналу ООО «Технологии и Системы Защиты». Общий стаж работы в кадровых службах различных организаций, в том числе крупных, — 32 года. Сегодняшняя работа включает три основных направления: юриспруденцию, психологию и управление персоналом.

Николаева Елена Ивановна — доктор биологических наук, профессор кафедры психологии и психофизиологии ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Заместитель редактора журнала «Психология образования в поликультурном пространстве» (изд-во ЕГУ).

пройти интервью. К счастью, он охотно согласился, за что я ему очень благодарен.

Ниже я привожу выдержки из интервью, в которых постарался, по возможности, сохранить реальные речевые обороты. Что, правда, не всегда удавалось. Ведь я задавал молодому человеку порой действительно сложные вопросы, ответить на которые сразу и четко — сумел бы даже не всякий взрослый. В общем, многое пришлось литературно обработать, сохраняя главный смысл. Перед завершением статьи текст интервью, как и полагается, был согласован с Дмитрием.

Е. П.: Итак, Дмитрий, мы начинаем. Первый вопрос: твое полное ФИО, возраст, где ты учишься?

Дмитрий: Смойкин Дмитрий Дмитриевич, 16 лет, Московский полиграфический колледж.

Е. П.: Второй вопрос прозвучит примерно так: по твоим же словам, до сравнительно недавнего времени ты был тем, кого принято называть «разгильдяем» и «лоботрясом». Но затем перестал им быть. Что называется, «взялся за ум». Расскажи подробнее, каким ты был, когда был «лоботрясом»? Когда ты изменился? В чем проявлялось твое «разгильдяйство»?

Д. С.: Разгильдяем я был весь период до 14 лет. Я был **никем**. Примерно так могу это охарактеризовать. Я имел, скажем так, весьма нечеловеческую точку зрения и видение мира. Я смотрел на все очень шаблонно и контрастно. Для меня была вещь хорошая и была вещь плохая. Для меня не было таких понятий, как «ситуация», «особое стечение обстоятельств» — ничего.

Е. П.: Приведи пример жизненной ситуации и как ты ее видел в контрастном виде.

Д. С.: Ну, допустим, я приходил со школы. У меня было домашнее задание, долги или еще что-то по учебе. И было желание ничего не делать, развлекаться. И для меня было так: учеба — плохо, учеба — не надо, развлекушки — здорово. Ну, и приоритет был понятен — в том моем состоянии.

Е. П.: Что изменилось у тебя сейчас?

Д. С.: Принципиально изменились мои жизненные позиции во многих вопросах. Например, в отношении религии. В то время я был не только неверующим человеком — я был богохульником в самом прямом значении этого слова. Я мог сказать какую-нибудь гадость про религию, оскорбить верующего человека. Дескать: «Так тебе, дурак, и надо! Нечего в такую чушь верить».

Е. П.: Что изменилось сейчас?

Д. С.: Сейчас я понимаю: даже если верующий человек — оскорблять его нехорошо. Как минимум, с точки зрения моральных качеств. Это элементарно нетолерантно и неприлично.

Е. П.: Давай пойдем дальше более конкретно — по критериям. Критерий первый: в чем изменилось отношение к сверстникам?

Д. С.: Честно говоря, отношение к сверстникам у меня с тех пор не особо поменялось (*ироничный смех*). Ну, конечно, это относится не ко всем. Скажем так, и к сверстникам, и, часто, к взрослым людям у меня такое отношение: если я вижу у человека какие-то недостатки, у меня это на душе лежит камнем, поскольку я понимаю, что человек делает очевидную глупость. А так как большую часть таких глупостей я в своей жизни преодолел, меня раздражает: почему человек не может сделать то же самое? Мое жизненное кредо в большинстве жизненных ситуаций сводится к тому, что: смог я, значит, сможет любой.

Е. П.: А отношения с родителями, с учителями поменялись? В принципе?

Д. С.: В принципе, поменялись и достаточно радикально, поскольку стало куда меньше конфликтов на ровном месте, то есть я больше не могу поссориться ни с отцом, ни с матерью, ни с учителем, если только у меня не возникают заранее какие-то обоснованные поводы. И все заканчивается тем, что обе стороны принимают какую-то общую обоснованную точку зрения.

Е. П.: Можно ли сказать, что это связано с тем, что у тебя как-то элементарно «успокоились гормоны», ты поумнел, или что-то изменилось в самих жизненных установках, ценностях?

Д. С.: Ну, мне кажется — все из названного, поскольку я, когда находился в том возрасте, искренне не верил в гормоны. Точнее, считал, что все эти разговоры про «гормональные бури» — это не более чем отговорки. Просто человек не желает меняться. И он так успокаивает, в большей степени, самого себя. Поскольку принять это ему трудно. Так что, вот сейчас, глядя на себя прошлого, я понимаю, что это все-таки был «проблемный возраст». И проблемы во многом были связаны с тем, что я не понимал простого факта: такое существование, как у меня сейчас, элементарно невозможно, поскольку человек с таким мировоззрением не может существовать как Человек. У него нет ни желания учиться, ни желания существовать достойно. У него есть просто желание жить сейчас — и не более.

Е. П.: Как изменилось твое отношение к собственному будущему? В чем заключались эти изменения?

Д. С.: Ну, как минимум, в том, что сами мысли о будущем появились, поскольку в тот период (по своему нынешнему мнению) я не имел никакого представления о своем собственном будущем. Жил каждый день как... ну... не то, чтобы «как последний». Просто я каждый день жил... просто жил, и все. Не планировал ничего.

Е. П.: Давай уточним: какие мысли были у тебя с утра, и какие вечером — перед тем как ты ложился спать? В том возрасте.

Д. С.: В том возрасте... Скорее всего, это выглядело так: когда я просыпался, то думал: «Поскорей бы прийти домой!» А когда ложился: «Поскорей бы прийти домой завтра!»

Е. П.: Уточни, пожалуйста: жизнь тебе казалась очень скучной — или что?

Д. С.: Она была скучной, как минимум, потому, что я ничем не занимался. Я абсолютно ничем не увлекался в моей жизни (тогда). У меня ничего, кроме учебы, не было. Но не потому, что я много учился, а потому, что я дневную норму учебы... Ну, скажем, домашнее задание, которое можно было бы сделать, максимум, за 40 минут — я его «бодяжил» просто на весь вечер. Я иногда до половины второго ночи не спал, потому что не мог сделать контурную карту, так как относился ко всему этому небрежно. И когда родители пытались меня контролировать, у меня была достаточно «скотская» логика. Я думал про себя так: «Ну, давай-давай! Посиди со мной. Тебе еще с утра на работу вставать в 7 часов, а ты тут со мной до ночи сидишь».

Е. П.: Чем твоё отношение к будущему сейчас отличается от того, что было тогда?

Д. С.: Ну, первым делом, у меня появился самоконтроль. Теперь я планирую и думаю — что я делаю или что я собираюсь делать. Представление о будущем сложилось за прошедшие полтора года, поскольку я начал думать, куда я пойду учиться, как я буду учиться, как я потом планирую свою последующую жизнь устроить после учебы. То есть если раньше я учился в школе и думал: «Ну, вот, учусь я учусь, а дальше — будь что будет», то сейчас мой последний год в школе выглядел как: «Я доучусь, пойду в техникум, техникум закончу — пойду какую-то работу найду себе и буду заочно получать высшее образование».

Е. П.: Теперь самый главный вопрос: что заставило тебя начать менять свою точку зрения? Были ли какие-то конкретные события, которые тебя к этому подтолкнули?

Д. С.: Вспомнил. Был яркий случай. Меня тогда фактически выгнали из школы. Во-первых, потому что у меня была неуспеваемость. И, во-вторых, была неприятная конфликтная ситуация с одним из учащихся. И тогда я понял, что: пускай — я и был прав. Но я был двоечник и дебошир. И никто. И никого мое мнение не интересовало. Вот тогда я понял, что нельзя быть человеком только потому, что ты родился — и все. Я понял, что Человеком нужно стать. И людей — других, даже если они «не люди» — интересует только мнение Человека (в моем понимании). И поэтому я понял, что если я хочу хотя бы минимальной справедливости по отношению к себе и, я надеюсь, к другим, то я смогу ее добиться. Но для этого мне надо иметь хоть какой-то вес в этом обществе. А если ты не представляешь из себя ничего — никакого образования, не имеешь заслуг, то не надо ждать, что к тебе будут относиться всерьез.

Е. П.: А мог бы ты рассказать поподробнее, как на тот момент ты определил для себя, что значит «иметь вес» в твоём случае? Да, и еще один момент: вариант ответа, что для «веса» нужны большие деньги — давай сразу отложим. Ведь ждать, что на тебя вдруг сразу «свалются» большие деньги — это наивно. «Богатого американского дядюшки» у тебя нет. А значит «вес» нужно будет приобретать как-то по-другому.

Д. С.: В чем «вес»... О! Вот как раз сейчас, после этого вопроса я вспомнил один важный момент: самое главное отличие меня нынешнего от меня прежнего. Тогда я не мог сказать ни одного предложения, чтобы не соврать. Даже если возникала какая-то совершенно бытовая ситуация, про которую я знал, что мне ничего не будет, — я все равно врал. Просто на подсознательном уровне, механически. Даже если хотел сказать правду. А сейчас я стараюсь... впрочем, надеюсь, что не просто «стараюсь», а так оно и есть — говорить только правду в любой ситуации. Потому что я теперь понимаю: ложь, она спасает от маленького конфликта, но приводит к гораздо большему.

Е. П.: И как ты к этому пришел: чисто логически, было какое-то интуитивное озарение или что-то еще? Скажем, жизнь «ткнула»...

Д. С.: Ну, до чего-то я и сам доходил, во что-то и жизнь «ткнула», точнее, я сам себя «ткнул». Например, меня спрашивали: сделал ли я что-то? Хорошо ли у меня все? Я говорил: «Да, у меня все здорово». Сам продолжал ничего не делать. А потом, когда доходило дело до конца четверти или до конца учебного года, оказывалось, что у меня неаттестация по половине предметов. Пожалуй, по большей части, я «нынешний» — это моя попытка стать похожим на отца. И, если возможно, стать лучше своего отца.

Е. П.: Скажи, пожалуйста, а какие его качества ты хотел бы сделать своими?

Д. С.: Мое самое любимое качество в моем отце, которое я активно перенимаю — это... (кстати, это очень большая проблема в нашей стране)... Это убежденность в том, что нельзя позволять другим помыкать тобой. Не в том плане, что нельзя слушать других, не надо выполнять чужие просьбы и надо показывать, что ты лучше всех. Как говорится, я — д'Артаньян, а вы все...

Е. П.: ...Гвардейцы...

Д. С.: Да... В общем, самое главное, что я перенял у своего отца, это убеждение, что **нельзя давать сидеть из себя скотину**. То есть надо осознавать то, что ты Человек. Что у тебя есть свое мнение... Ну, конечно, главное, чтобы это мнение было адекватно, обосновано, и ты мог его отстаивать. Потому, что многие просто «уходят в отказ» — и все.

Е. П.: А каким образом отец оказал влияние? Это просто личный пример или личные беседы, дискуссии... что?

Д. С.: Да, дискуссии, споры были. Я уже ранее говорил, что отец со мной сидел и до двух ночи, и до трех. Хотя ему тоже надо было рано вставать на работу и он мог просто на меня «забить». И у меня по английскому был репетитор, которому я **очень и очень** благодарен. Человек ради меня ездил через пол-Москвы, хотя у него было ужасное состояние здоровья. На тот момент мне, конечно, было на это плевать. Только сейчас я понимаю, насколько много эти люди для меня сделали. Хорошо, что они не отказались от меня. Потому, что если бы мой отец или мой репетитор...

Если бы они от меня отказались — именно они от меня, а не я от них, — то я бы с тех пор не изменился. Потому что как только я добился того, чтобы они от меня отстали, — я так и говорил: «Ну отстаньте от меня! Какое вам до меня дело?» — как только, через, мягко говоря, большое количество времени, я добился того, что на мне «поставили крест» (конечно, этого не было в буквальном смысле, но это начало проявляться), я понял весь ужас всей этой ситуации. Я понял, что мне наплевать на себя. И я заставляю других плевать на себя. Я понял, насколько я — **никто**. *И меня это настолько «зацепило», когда я понял, что мое мнение никого не интересует... Тем более, что у меня его нет¹.*

Е. П.: Давай-ка я попробую сделать кое-какие выводы из сказанного, а ты их подтвердишь, поправишь или опровергнешь. Итак, можно ли сказать, что ты на тот момент стоял в такой своеобразной позиции... назовем ее условно позицией «психологического вампира»? Тебя долго «накачивали», потом резко перестали, и ты вдруг почувствовал духовный... и прочий «голод»... И это заставило тебя переосмыслить...

Д. С.: Ну, ты сейчас сказал очень хорошую вещь. Я возьму это себе на заметку. Дело в том, что я на протяжении всей своей жизни «вампиризм» очень сильно страдаю. *Поскольку мне очень приятно видеть, что человек испытывает по поводу меня... из-за меня — любые эмоции. Все равно, какие эмоции. Мне приятно осознавать, что это происходит именно из-за меня. И когда я понял, что на меня уже давным-давно никто не злится, никто... тем более — не радуется, я начал испытывать этот «энергетический голод». Удовлетворять этот голод, вызывая сильные эмоции окружающих к себе, я не мог, поскольку к тому моменту уже переполнил «чашу их терпения». И я решил что, так сказать, бездонный источник эмоций других по отношению ко мне, это просто... **быть хорошим**. Потому что к хорошему человеку нельзя относиться плохо.*

Е. П.: Теперь смотри: я задам тебе несколько странный, по-своему фантастический вопрос, но ты постарайся на него ответить, так как он очень важен. Итак, представь, что после этого нашего разговора ты попадаешь в иную — параллельную — реальность. Там почти все, как у нас, но она немного отстает по времени. Ты видишь там самого себя — прежнего «лоботряса», плюющего на все усилия своего отца. И видишь отца. Но этот отец №2, скажем так, чуть-чуть слабее духом, чем твой реальный. И ты видишь, что еще чуть-чуть, и он «забьет» на своего сына — твоего двойника. Гораздо раньше, чем это сделал (почти) твой реальный отец. Что бы ты сказал тому отцу?

Д. С.: Ну, я бы точно сказал, чтобы он не сдавался, чтобы он **верил** в своего сына... Несмотря ни на что. Вообще, считаю, что родители должны верить в своих детей, даже если те издеваются, не слушают, и вообще... И тогда, скорее всего, рано или поздно, дети изменятся...

Е. П.: Можно ли сказать так, что родителям, которые, подобно твоему отцу, «бьются» за своих детей, (иногда с ними самими) может иногда казаться, что все их усилия — впустую. Что дети не меняются и никогда не изменятся. Но на самом деле это не так. Усилия даром не пропадают. Результаты накапливаются у детей где-то глубоко внутри, незаметно. Долго, по чуть-чуть. Но, в конце концов, количество, как говорится, переходит в качество. До детей «доходит» и они прозревают. И понимают, что в чем-то родители были правы.

Д. С.: Ну да, так и есть.

Е. П.: Кстати, в прошлых разговорах ты как-то обмолвился, что отец как-то сильно помог твоему культурному образованию. В частности, музыкальному. Расскажи поподробнее.

Д. С.: Ну да, отец мне сильно помог, так сказать, не до конца деградировать. Дело в том, что к тому моменту, когда я столкнулся с музыкальной культурой, скажем так, своих сверстников-современников, у меня уже был свой сформировавшийся вкус к музыке. И я уже предпочитал такие необычные — для человека своего возраста — вещи, как группы «ДДТ», «Аквариум», и всякие... Рок-н-ролл 70-х, 80-х годов.

Е. П.: Теперь еще один — очень сложный ответственный вопрос. Постарайся ответить. Говори только **свое** мнение. Как ты это видишь. Вопрос такой: как ставить «на место» мозги «вашему брату», то есть людям примерно твоего возраста (14-16 лет), которые все еще пребывают с состоянием «пофигизма» и «раздолбашта»? Нужны конкретные шаги. Что делать, чтобы заставить быстро поумнеть? Может, разговаривать чаще «по душам» или часто «давать по мозгам»?

Д. С.: Ну, как лично я считаю, далеко не каждого «разгильдяя» можно, в принципе, спасти. Единственное, что **точно** должны делать родители, это **ни в коем случае** не должны опускать руки. Но и, с другой стороны, никто не поможет тебе, если ты не поможешь себе сам. Если человек сам не одумается — никто ничего с ним не сделает. Вообще ничего.

Е. П.: А можно ли **создать** какие-то поводы, события, которые заставят человека одуматься? Для кого-то помягче. Для кого-то — жесткие.

Д. С.: Ну, что касается лично меня, то меня никогда в жизни физически не наказывали. **Вообще** никогда. Но... очень сильно присутствовало давление словесное. Лично для меня это было куда хуже, чем физическое наказание.

Е. П.: В смысле — болезненнее?

Он: Да, болезненнее.

Е. П.: А какого рода? Словесное воздействие ведь тоже можно подобрать по-разному.

Д. С.: Я имею в виду не оскорбления и т. д. Я имею в виду, что когда тебя «тыкают носом» в то, что ты сделал...

¹ Здесь и далее выделения курсивом в тексте сделаны Е.И. Николаевой. В своем комментарии она ссылается на эти выделенные фрагменты.

Е. П.: Ты имеешь в виду «тыкают» в последствие того, что ты сделал?

Д. С.: *«Тыкают носом» это в плане... если ты набе-докурил, а тебе говорят: «Нукак же так? Как ты до этого докатился? Смотри, что произошло!» И когда тебе это говорят — даже если ты сам это игнорируешь, когда говоришь сам себе... В общем, когда тебе это говорит посторонний человек, тогда многие (я надеюсь) осознают, что это заметно и другим. Заметна эта твоя проблема. А проблемы надо решать.*

Е. П.: Как ты думаешь, а можно ли что-то сделать, чтобы ускорить этот процесс осознания? Чтобы человек поскорее понял, что у него проблема? Не радикально, конечно. Скажем, махнув рукой на сына или дочь и дождавшись, когда их выгонят из школы. Можно ли создавать искусственно какие-то события? Например, ситуации явного неуспеха, когда для человека для самого станет ясно, что он был неправ...

Д. С.: Ну, по моему личному мнению, такой процесс ускоряет только усугубление и увеличение проблем у этого человека. Потому что чем хуже ситуация, чем она становится безысходнее, тем сильнее должно быть чувство страха перед будущим. Вернее, перед его отсутствием.

Е. П.: Хорошо, теперь давай попробуем поконкретнее: как родители могут такое сделать: «капать на мозги», или орать, или спокойно разговаривать, или все вместе — попеременно?

Как они могут создать у ребенка ощущение, что в его жизни появилась опасность, с которой ему надо бороться или предотвращать?

Д. С.: Орать?.. Ну, это можно понять, если ты находишься на каком-то «эмоциональном пике», но... Любая агрессия должна быть исключена. Когда начинается агрессия, человек перестает воспринимать это как попытку помочь ему.

Е. П.: Хорошо, это «как не надо». А как надо? Какие варианты можешь предложить?

Д. С.: Ну, самое главное, надо максимально много иметь контактов с собственным ребенком. Но, опять же, не надо «перебарщивать»...

Е. П.: А вот границы — как определить? Как понять, когда надо «сбавить обороты»? Ведь некоторые дети наоборот — жалуются, что родители слишком навязчивы...

Д. С.: Да, я опять же говорю, что в этом нужно не перебарщивать, потому что если ты контролируешь каждый шаг своего сына или дочери, это, естественно, начинает его раздражать. И он, опять же, в попытке помощи начинает видеть некое такое — нападение.

Е. П.: Ну, а конкретнее, как понять, как надо «дозировать»...

Д. С.: Я думаю, это понимание должно быть немного на подсознательном уровне. Человек должен понимать, что одно дело, когда ты спрашиваешь своего сына или дочь, куда он собирается вечером с друзьями идти. Это естественное родительское волнение.

И вы даже имеете право запретить, если у вас есть подозрение насчет сомнительных компаний и т. д. Это можно запрещать в любом случае. Потому что пусть лучше ваш ребенок будет ненавидеть вас, чем с ним произойдет то... что с ним произойдет. Ну, все равно, это должна быть такая «игра на подсознательном уровне», потому что надо разделять: когда **очевидно** нужен контроль, и когда ты начинаешь «на ровном месте входить в паранойю». То есть нельзя вводить тотальный контроль. Надо всегда знать, чем твой ребенок интересуется, всегда знать, какие у него друзья... **вот**, опять же: **всегда-всегда-всегда...** Каждый раз, когда вы присутствуете на каком-нибудь родительском собрании или видите окружение своего дитя, надо обязательно спросить, как кого зовут. Надо иметь представление об окружении своего ребенка и о том, есть ли там какие-нибудь потенциальные «разлагатели».

Е. П.: Так, тогда такой вопрос: положим, ты замечаешь, что в окружении твоего ребенка есть такие «разлагатели», но он, что называется, от них «тащится», они его чем-то восхитили. Как ему объяснить, что они, скажем, могут быть дворовыми бандитами или вообще — агентами от наркомафии?...

Д. С.: Я считаю, что в этом плане будет очень эффективно приводить примеры из жизни. Их даже можно спокойно придумать. Берешь и говоришь своему ребенку: «Вот, у нас есть знакомый (называешь какого-нибудь «друга семьи») и с ним случилось такое-то несчастье». Сейчас в жизни часто такое бывает, и можно даже особо не придумывать. Но если ситуация «острая», то можно даже и приврать. Называешь человека, которого чадо твое — на 100% — знает. Это для усиления эффекта. Чтобы не некий «кто-то», а конкретный кто-то. Это вызывает чувство, что история не придумана. И рассказываешь, что он оказался в такой же ситуации и поступил так же, как ты хочешь поступить сейчас. И произошло то-то и то-то. И можно даже как-то это связать с тем, что у него до сих пор шрам на руке остался...

Е. П.: И это на «вашего брата» действует?

Д. С.: Ну, лично на меня это бы подействовало, потому что когда тебе такое говорят, ты волей-неволей не пропускаешь это мимо ушей. Ты все-таки это слушаешь. И даже если ты — все равно — это прослушаешь и уйдешь к своим «крутым» друзьям, так как ты хотел с ними дружить, то, я думаю, это уже будет «что-то не то»...

Е. П.: Образно говоря, нужно «посеять зерно сомнения»?

Д. С.: ДА! У человека от этого какой-то подсознательный страх появляется, что с ним произойдет то же самое, что и с героем рассказа.

Е. П.: Ты сказал, что тебе помог страх. Как он проявлялся?

Д. С.: Ну, страх... это было осознание того, что в той жизненной ситуации, в которой я тогда находился, у меня нет никакого потенциала ни на что — абсолютно.

Е. П.: А как он у тебя родился? Тебе задали какие-то вопросы? Или ты сам понял? Или к психологу пошел?..

Д. С.: Да любые варианты... для меня любое собрание психологов... с вопросами шаблонными, типа: «Кем вы себя видите через 5 лет?» и т. д... Ну, я просто и сам лично об этом задумывался... **главное — задумываться**. Потому что если человек не задумывается, то это «потерянный» человек.

Е. П.: То есть, ты можешь сказать, что даже регулярное задавание «шаблонных» вопросов какие-то «зерна» сеет?

Д. С.: Естественно, если они не перерастают в навязчивость... если человека не «запрессовывают» этими вопросами: «Как же ты будешь жить? Что же ты будешь делать?»... Просто... Просто человек должен начать осознавать, что с его навыками — точнее, с их отсутствием — ему **ничего** делать.

Е. П.: Следующий вопрос: вспомни ту мою беседу с тобой². Я тогда не просто задавал тебе «шаблонные» вопросы, которыми часто «грузят» родители и учителя: «Что ты думаешь о своем будущем?». Я тебя буквально «долбил» уточняющими вопросами, чтобы ты не мог уклониться, увильнуть, отделаться «шаблонными» ответами. Я пытался заставить тебя задуматься всерьез. Поэтому спрашивал: «А почему ты думаешь, что твое будущее будет таким? А с чего ты взял, что с твоим отношением к учебе и труду у тебя это получится?» Тебе это как-то помогло?

Д. С.: Ну, в моем случае — на постоянной основе — такое возымело бы небольшой эффект. Поскольку я, когда общался с тобой тогда, понимал, что мы с тобой не особо часто видимся... Поэтому, честно говоря, тогда я разговор с тобой пропускал «мимо ушей». По большей части. Но потом, когда ты ушел, у меня в голове возникла такая мысль: человек, с которым мы, мягко говоря, давно не виделись, из-за меня приехал сюда, чтобы со мной побеседовать³. Я понял, что этот человек приехал явно не просто так. Я понял, что людям за меня страшно. А если людям за меня страшно, значит, со мной что-то происходит. И то, что происходит, это **«не фонтан»**.

Е. П.: Так, а вот про противоположный пол мы с тобой не говорили. В смысле, что сделать с девушкой, чтобы «поставить ей голову на место»? Про это можешь что-то сказать?

Д. С.: Ну... Это чисто моя точка зрения...

Е. П.: Твоя личная и интересует.

Д. С.: ...Ну, с парнями все гораздо хуже, чем с девушками... то есть **наоборот** — лучше. В этом плане девушки «разлагаются» куда быстрее. Такое мое мнение. Надеюсь, не очень «сексистское». Но в этом плане парни сильно умнее девушек.

Е. П.: В чем это проявляется?

Д. С.: Это проявляется в том, что... Если парень, в основном, **просто** наплеватьски относится к своей жизни, то девушки «разлагаются» не только физически: алкоголь, курение, плохая компания. Они «разлагаются» морально. Потому что... Ну, что такое плохая компания и алкоголь — это понятно. И чем это кончается — тоже. Так вот, когда **это** происходит, человек либо не придает этому значения (это если он совсем «раздолбай»), либо он, оценив весь ужас происходящего... **произошедшего...** В общем, все становится еще хуже, потому что с этого момента, в большинстве случаев, человека уже не спасти, потому он начинает замыкаться в себе. И он доходит до той стадии, когда он понимает, что он дошел чего-то низшего. И в этом плане, что касается парней, то все просто. Нужно просто интерес проявлять к сыну, чем он занимается... А вот именно за девушками нужен тотальный контроль.

Е. П.: Следующий вопрос: теперь представь, что ты встретился в первый раз с группой ровесников 14 лет. Ты с ними пообщался и понял, что кого-то из них надо буквально спасать, а кого-то можно оставить в покое. Какими качествами должен обладать человек, чтобы тебе стало ясно, что его надо спасать (я не говорю, скажем, про явный алкоголизм)? А какими тот, за которого можно не беспокоиться? Насчет которого можно быть уверенным, что он просто пока дурачится, но потом точно «выстоит», поумнеет...

Д. С.: Ну, люди, которые **явно** нуждаются в спасении... по моему мнению, таких людей **уже не спасти...** Потому, что этот человек находится уже на такой финальной стадии, когда человек к своим 14-15-16 годам выглядит и ведет себя точно так же, каким он будет и в 30, и в 40, и в 60 лет и т. д. Единственное, что у него становится другим, — это состояние организма.

Е. П.: Ну, положим, действительно, есть такие, которых спасать бесполезно. Но все же есть и такие, которых еще можно и нужно спасти. Попробуй все-таки вспомнить, подумать... Как их можно узнать? По каким признакам? Может быть, по жизненным установкам, интересам.

Д. С.: Ну, первым делом, люди, которые находятся в такой стадии «запущенности», — они все жутко похожи друг на друга. Просто — один в один. Как под копирку сделаны. У них, так сказать, шаблонные представления быдла. Это люди, которые всегда и везде ходят в спортивной форме. У этих людей очень часто короткая стрижка. Вроде как у скинхэдов, хотя они и не скинхэды. У этих людей язык сильно засорен ненормативной лексикой. Этот человек **страшнейше** неэрудирован. Не в том даже смысле, что необразован. А в том, что он даже не скажет, сколько примерно в его собственном городе или стране проживает человек. Ну вот, например, был митинг на Болотной. И

² Эта беседа произошла двумя годами ранее, когда отец Димы, уже отчаявшись, попросил меня поговорить с его сыном — пускай даже с применением каких-нибудь моих собственных психологических наработок.

³ Беседа проходила у Димы дома, а живет он в очень неудобно расположенном окраинном районе Москвы, куда весьма проблематично добираться. Особенно — с противоположного края города.

там журналисты (на «ютубе» даже была запись) отлавливали специально и спрашивали таких типичных молодых псевдореволюционеров, которые убежали из школы: «Вот Вы сейчас находитесь на улице академика Сахарова. А Вы знаете, кто такой Сахаров?» По моему мнению, адекватный человек в 14 лет уже должен, хотя вы общих чертах, знать, что Сахаров — знаменитый советский ученый, который создал советскую ядерную бомбу... Так вот, каждый первый из тех, кого спрашивали, не имел представления — ни кто такой Сахаров, ни что он сделал и когда.

Е. П.: Понятно. Но это в плане неэрудированности. А вот в плане жизненных установок. Как понять, кого нужно спасать?

Д. С.: Жизненные установки у таких людей всегда очень «животные». Вот вплоть до буквального смысла. Таких людей интересует только... хотел сказать «две вещи», но сейчас поправлюсь — только одна вещь. Их интересует только «глушение» своих «хотелок». То есть ни о какой взаимопомощи, ни о милосердии, ни о добродетели речь не идет.

Е. П.: То есть можно сказать, что для родителей — это очень тревожный сигнал — если они видят, что у ребенка одни «хотелки». А как, по-твоему, родителям такого ребенка нужно действовать, чтобы помочь ему понять, что нельзя только «сидеть на шее» у общества, а надо самому что-то делать для общества? Можно ли начать как-то немножко подталкивать его к этому?

Д. С.: ...Ну, людей, которые находятся еще не на совсем запущенной стадии, можно подталкивать, пытаюсь навязать «думание» о **своем** будущем. А людей, которые «поставили крест» на собственном будущем... их, мне кажется, лучше всего пытаться «очеловечить» разговорами о том, что... ну, навязывать такую тему: «Сейчас время пройдет, мы уйдем на пенсию, и ты не сможешь элементарно содержать нас». Это может подействовать, потому что у «шаблонного быдла» очень часто развита такая «животная» любовь к своим родителям: «Они мои родители. Это — святое». Да, вот еще что: скорее всего, такое может подействовать, если в семье один-два ребенка. Даже если два — это уже может быть плохо. Потому что если один «запущен», а другой адекватен, то «запущенный» может привести свои аргументы «быдла» и «утащить» в результате адекватного за собой.

Е. П.: Так, вернемся чуть назад. Получается, даже у таких «запущенных» есть что-то святое, только до него надо еще «докопаться».

Д. С.: Да. Они отказываются рефлексировать, сколько неприятностей, сколько боли, сколько негативных эмоций они приносят родителям своим поведением и своей учебой. Но если хотя бы совсем чуть-чуть оскорбить или неуважительно затронуть при них их родителей — ну, они тебя просто убьют.

Е. П.: Как ты думаешь — ну хотя бы чисто теоретически — есть ли смысл направлять таких ребят в какие-нибудь трудовые, военно-полевые лагеря? Есть шанс, что это им «поставит мозги на место»?

Д. С.: Как говорит мне мой, пусть небольшой, но все же жизненный опыт — а я в последнее время очень активно общаюсь с разными людьми, — мир выглядит примерно так (по моему мнению): люди делятся на тех, что объявляются людьми и живут в обществе, а есть те, кто не «побочный эффект» общества, но это те люди, которые родились для того... чтобы во время... Ну, вот например: во время Второй Мировой войны, когда американцы высаживались на берег под японские пулеметы, всем было ясно, что те, кто пойдет в первом ряду, это просто «мясо», нужное для того, чтобы японцы потратили патроны. Так вот: есть люди, которые **родились**, чтобы быть этим «мясом».

Е. П.: Н-да! Жесткое деление...

Д. С.: Есть люди, которых нельзя исправить понуканием, поскольку единственное, что они понимают, это понукание. И единственная доступная ему существование — это существование в виде солдафона, которому говорят — заправить кровать. И только потом он ее заправит.

На этом я завершаю цитирование интервью, поскольку наш дальнейший разговор ушел далеко в сторону от основной темы. Скажу только, что мы начали обсуждать проблему, насколько школа и различные ее подразделения эффективны в воспитании подростков. По мнению Дмитрия, в идеале самое эффективное воспитание дают гуманитарные науки. Та же литература. Но только в том случае, если учителя по-настоящему вкладываются в свой предмет — организуют с ребятами дискуссии на нравственные темы и т. д. Но, по его же мнению, ситуация в нашей стране складывается так, что учителю невыгодно вкладываться. Зачем ему тратить уйму времени и сил на подготовку по-настоящему хорошего урока, если в итоге он получит за него те же копейки, что и за скучный «шаблонный» урок.

О школьной психологической службе Дмитрий отозвался скептически. Сказал, что, наверное, она могла бы быть эффективной, если бы... Далее обрисовал такую картину возможностей школьного психолога (в плане имеющихся у него ресурсов и доступа к ребятам), о которой большинство реальных психологов могут только мечтать. И, кстати, это идиллическая картина сильно напомнила мне многие реальные методические (и, по большей части, чисто теоретические) разработки на тему «как построить в школе психологическую службу».

Комментарий О.М. Новосадовой

С огромным интересом прочитала интервью с молодым человеком!!! Такие разумные, мудрые рассуждения Димы. По поводу содержания интервью могу сказать следующее:

1. Я думаю, что семья этого юноши замечательная!!! В наше время так мало отцов занимается детьми, сыновьями — а тут такой пример!!!

2. У каждого человека свой темп развития: некоторым детям ничего не надо говорить, они с младен-

чества разумны, надёжны, ответственны, трудолюбивы, бояться огорчать своих родителей. Но подавляющее большинство детей должны пройти огромный путь становления своей личности. Возможно, что-то происходит с лобными долями, возможно, в обществе, возможно, нарушение гормональной системы... Или комплекс причин?! Неукротимые, с самостоятельным мышлением дети для родителей тяжело растут, но вырастают отличными созидателями и хорошими отцами.

Маленькие дети не понимают слово «завтра», им тяжело прогнозировать отдаленные последствия. Даже в языке появляются в начале прошедшее и настоящее и только потом — будущее время. Сейчас всё чаще и чаще говорят об инфантилизме даже у взрослых людей.

3. В неполных семьях мальчики тяжело растут. Но в семьях с положительными отцами мальчику непросто соответствовать высоким критериям. Интересно, что Дима практически не упоминает маму. Значит его отец был «гипер-папой». Растущему самцу надо бороться за свою территорию, за своё место в семье. А места-то все заняты папой. Вот сынок и протестует, как может.

4. Полностью согласна с Дмитрием, что родителям надо верить в своих детей. Более того — их надо бесконечно любить. Часто прекрасные, «правильные» родители заняты собой, своей работой, собой в работе. А дети ждут внимания (см. п. 2). У всех людей разная потребность в любви и проявлении этой любви. Часто детский нигилизм — это бунт против невнимания взрослых.

Часто говорила своему сыну, что столько образованных поколений было перед нами, и я не могу допустить, чтобы всё человеческое рухнуло, что на тебе всё прервётся, останутся только желудочно-кишечные потребности. Ученикам внушала мысль, что они обязательно будут успешными. Если заниматься огородом, будет урожай. Если нет — бурьян.

5. Хорошо учить детей играть в шахматы. Прекрасный способ развивать стратегическое мышление, понимание, к чему приводят твои шаги и действия.

6. Раньше чаще звучали слова «думай, подумай» и т. д. Сейчас из общественного сознания ушли эти прекрасные слова.

7. Дмитрий даёт отличный анализ поведению девочек. Действительно, с девочками всё значительно сложнее.

8. И что делать с этими детьми? Только любить!!! Но любить так, как надо (бесконечно, разумно, терпеливо) и как им надо, а не как мы можем (эпизодически, скупое, по остаточному признаку). Но и ребёнок должен понимать, что мир крутится не только вокруг него, ведь завтра он выходит в большую жизнь, где не все будут терпеть его выходки. Где он сам должен будет терпеть чьи-то выкрутасы.

Комментарий Е.И. Николаевой

Первый комментарий хотелось бы сделать относительно силы и действия гормонов. Мальчик, выйдя из под их влияния, начинает осознавать их силу. Подростковый возраст — период времени, когда в кровь выбрасывается количество половых гормонов, превосходящее предыдущий уровень в 1000 раз!!! Весь период до этого организм находится в гипореактивном состоянии, то есть любой стресс вызывает пониженную реакцию стрессовых систем организма. Это связано с тем, что воздействие стрессовых гормонов на мозг крайне интенсивно и весьма неблагоприятно, и пока мозг развивается, подобное их действие нежелательно. В подростковом возрасте гипореактивность заканчивается. С одной стороны, возникают мощнейшие эмоциональные реакции, которые подросток сможет сдерживать только в том случае, если ранее научен этому и у него есть волевые навыки (которые также появляются исключительно при обучении со взрослым и — внимание! — до 6 лет). С другой стороны, половые гормоны на осознанном уровне формируют ощущение взрослости и самодостаточности. Подросток чувствует себя взрослым, но проявляет взрослое поведение только при условии, что кто-то научил его ответственности, трудолюбию, планированию своих действий и т. д. Если последнего нет, то все вышесказанное формирует желание закрыться от нудных требований взрослых в ту деятельность, которая не приносит неприятностей, — такой деятельностью редко бывает обучение в школе. Итак, подростковый возраст — это не вымысел ученых, это реальные изменения в организме ребенка, которые вскрывают проблемы, не решенные на более ранних этапах его развития.

Одну из этих проблем очень точно отразил философский анекдот: «Тыкают носом» это в плане... если ты набедокурил, а тебе говорят: «Ну как же так? Как ты до этого докатился? Смотри, что произошло!»

Это уже ошибки тех, кто учит ребенка. Мальчик даже говорит об этом с пониманием — он не осуждает взрослых. Он принимает такой способ общения как должное.

Современные психологи знают, что обучаться можно исключительно через ошибку. Чтобы в очередной раз ошибаясь, ребенок сохранил пыл любознательности и желание учиться, при совершении ошибки ни дома, ни в школе взрослые не должны «тыкать носом». При совершении ошибки необходимо спокойно показать, в чем она состоит, и научить далее ее не совершать, показав верное действие (и, возможно, повторив несколько раз): тихим голосом, возможно, рассказав, как вы сами когда-то в этом месте сделали ошибку. Можно использовать юмор, но никогда — сарказм. Сарказм — когда мы подчеркиваем ошибку дополнительной издевкой в голосе. После всех этих «тыканий носом» учиться не хочется, хочется не совершать ошибок. Это возможно лишь при условии, что ребенок вообще отказывается от обучений и действий. Именно это и происходит с подавляющим числом учеников еще до пубертатного периода. Проблема

ма состоит в том, что, привыкнув к этому «тыканию носом», они обучают и своих детей подобным образом, отбивая любознательность и стремление познавать мир. Он лишь, как мы договорились ранее, это обнаруживает, делая очевидным.

Но, совершая ошибки в один период времени, взрослые могут компенсировать их своими самоотверженными действиями в более поздний период. Так поступил отец нашего собеседника. Жизнь с подростком — жизнь на вулкане. Основная задача взрослых в этот период времени состоит в том, чтобы «оставаться на связи»: постоянно говорить. Говорить не о том, как жить, а пытаться понять действия ребенка и помочь ему преодолеть трудные ситуации. Ребенок до 12 ночи не сделал карту, которую нужно иметь к завтрашнему дню. Отец не читает нотации о том, что все нужно делать вовремя. Он садится с сыном и вместе делает. У сына возникает злорадная мысль, что отцу завтра будет плохо, ведь нужно рано вставать. Но ведь он сам сказал, что даже самые опустившиеся подростки не спустят другим людям, если они скажут что-то обидное о родителях. Мы все с вами помним это: на родителей можно обижаться, но нельзя подумать, что они плохие. Потому что наша самооценка состоит, в том числе, из нашей оценки наших родителей. Пока наши родители хорошие, мы тоже хорошие люди. Подросток может вести себя хамски по отношению к ним. Но это лишь поведение. И чтобы научиться вести себя иначе, нужно чтобы этому кто-то научил. Иногда этому больно учит гибель одного из родителей. Хотелось бы подчеркнуть, что практически все «взрослые мысли» мальчика — очевидно, повторы того, что говорили родители (шаблонное быдло, солдафон и т. д.). Оттолкнувшись в подростковый период от нас, наши дети приходят к нам: привычным, уютным и понятным.

Именно поддержка взрослого в тот момент, когда подросток будет к этому готов, приведет к тому, что ребенок вдруг внезапно изменится. Помните, как мальчика задело то, что он понял, что другим наплевать на него. И потому так ценно было внимание отца в середине ночи. И потому он и пил это внимание, как ваниль, потому что знал, что это единственный источник. И осознание этого было одним из моментов перехода к новому видению себя и своего места в мире.

И вновь наш собеседник очень точно рефлексировал по поводу того, что должно произойти, чтобы изменения начались. Это явление многократно описано: должен возникнуть страх перед будущим и понимание, что ты сам его делаешь — никто другой.

В своих воспоминаниях 80-летний К.Г. Юнг описывает себя подростком. Он возвращался из школы, его нечаянно задел мальчик, маленький Юнг упал, больно ударился и у него случился припадок. Далее, как только он брался за книги, возникали припадки. И у Юнга наступило прекрасное время, когда он гулял, развлекался, не ходил в школу. Однажды он случайно услышал разговор отца с другом, который интересовался здоровьем сына. И ошеломленный мальчик услышал откровение отца: тот истратил все деньги на

лечение сына, а потому с ужасом думает о том, как тот будет жить, когда отец умрет.

Юнг пришел в кабинет отца, взялся за латинскую грамматику. Тут же случился припадок, мальчик перебил себя и продолжил учебу. Через пять минут возник второй припадок. Мальчик пережил его и продолжил читать дальше. Больше припадки не случались никогда. Он стал учиться в школе. А потом продолжил учебу и далее. Всю оставшуюся жизнь он лечил невроты у людей, которым не удалось испугаться в подростковом возрасте.

Испуг должен прийти внезапно. Это осознание, что есть будущее. И в будущем ты либо будешь тем, кого слушают, либо тем, кого отказываются слышать даже близкие (как точно сказал наш собеседник). Почему именно испуг, а не все то же объяснение ребенку, что за свое будущее отвечает он сам?

Потому что у большинства подростков за плечами жизнь, в которой родители постоянно подчеркивали, что они отвечают за ребенка, а потому именно они определяют, в какой детский сад он будет ходить, какие дополнительные занятия посещать, какой язык изучать в начальной школе и когда это делать. Молодой человек, откровения которого позволяют нам понять собственные ошибки, также говорит о том, что у него был репетитор. И родители решают, какому репетитору платить. Мне могут возразить родители, что когда на кону судьбы ребенка, они должны строго контролировать его жизнь. Но как же и когда он тогда возьмет за нее ответственность на себя? Когда мой сын учился в 11 классе, истерия в школе по поводу ЕГЭ дошла до такого состояния, что он стал отказываться ходить в школу. Во второй четверти я перевела его в частную школу, которую он нашел сам. Там дети готовили уроки, их кормили 4 раза, а потому когда сын приходил домой, я могла просто с ним разговаривать, а не терроризировать его вопросами относительно домашнего задания и будущего ЕГЭ. Я до сих пор не знаю ни четверные, ни годовые его оценки за 11 класс — он отвечает за свою учебу и будущую жизнь. Но когда понадобились деньги на обучение тому делу, которое ему было важно, я нашла деньги для получения образования. Очень важно, чтобы родитель передал ребенку ответственность за свою жизнь. Это может быть постепенным переходом, при котором учеба становится делом ребенка, тогда как родители даже не контролируют его.

Если они к этому не готовы, ребенку нужен испуг. Родители могут даже сами организовать «утечку информации», например, в форме дискуссии за праздничным столом с другом или родственником. Но это должен быть не просто испуг, но испуг с осознанием того, что я смогу стать хорошим человеком и у меня все получится. Это должен быть инсайт с осознанием наличия резервов у себя.

Такой инсайт возможен только в том случае, когда подросток разговаривает с родителями, доступными ему в любое время суток, несмотря на то, что завтра у них тоже будет тяжелый день.